

ГОСТИНАЯ

Семен Злотников, построивший “Ковчег”

Семена. — С. — Яб. — 1996. — 28 июня. — С. 5

В СЕРЕДИНЕ 80-х не было, наверное, ни одного города в Союзе, где бы в театрах не шли пьесы Семена Злотникова. Целая обойма драматургов “новой волны”, сломав последние цензурные бастионы, заняла прочное место в репертуаре - Галин, Петрушевская, Разумовская, Арро, Казанцев. И, конечно, Злотников. Да и сейчас, когда современную драматургию ставят мало, на афишах периодически появляются знакомые названия пьес Семена Злотникова - “Пришел мужчина к женщине”, “Триптих для двоих”, “Уходил старик от старухи”, “Команда”... Еще в прошлом году в Москве Злотников был самым репертуарным современным автором. Правда, на премьерах своих он давно не появляется.

Шесть лет уже Злотников живет в Иерусалиме, руководит театром “Ковчег” (раньше он назывался “Ноев ковчег”), ставит спектакли по своим новым и старым пьесам. Упоминания об этом театре в израильской прессе редки, выяснить его координаты непросто. Мало кто из моих знакомых бывал и на его спектаклях. Один лишь неутомимый Марк Галесник, редактор знаменитой газеты “Бесэдер?” и книгоиздатель, поведаль о необычной атмосфере и редкостном единении душ, возникающих на спектаклях театра “Ковчег”. Театр же словно “затерялся” на одной из узких иерусалимских улочек - металлическая решетчатая дверь ничем не отлична от соседних. А внутри - уютное фойе, служащее одновременно арт-галереей, зрительный зал на 100 мест. И - единственный в столь ранний час обитатель театра, приветливый хозяин этого дома, колдующий над кофеваркой...

— СЕМЕН, насколько я знаю, до отъезда вы режиссурой не занимались?

— А вот как раз и занимался! В 66-м году, в Ташкенте, у нас была театральная студия, которой руководил очень талантливый человек по имени Женья Муратлер. Он умер, и я подумал, что будет жалко, если студия распадется. Не имея никакого образования, будучи спортивным журналистом, я возглавил эту студию - и стал ставить спектакли. Взял пьесу Ежова “Соловьиная ночь”, обнаружил вдруг, что пьеса плохая - и всю ее переписал, сократил. Нагло совершено. Так что я в драматургию пришел через режиссуру.

Потом, в начале 70-х, переселился в Ленинград. Режиссуре я в итоге нигде не учился, но, знаете, я - человек театра, человек, который любит артистов, закулисье. Я, например, практически со всеми великими режиссерами работал бок о бок. Сидел на репетициях, даже когда ставили не мои пьесы. Несколько месяцев наблюдал, как Юрский ставил “Фантазии Фарятьева”. По полгода сидел у Любимова, Ефремова, Товстоногова. Кроме того, я очень многому научился у моего друга Гены Руденко. Помните, был в Ленинграде театр одного автора - в Творческих мастерских Гена поставил два спектакля по моим пьесам, “Дурацкая жизнь” и “К вам, сумасшедшие”. И я

очень плотно участвовал в тех репетициях.

— И все-таки создать там свой театр вам не хотелось?

— Нет... А здесь я занялся этим потому, что попал в абсолютно свободный мир. В Союзе мне не надо было ходить и предлагать свои пьесы: если я пьесу заканчивал, то уже несколько театров ее ждали. Здесь же меня никто не знал. А я профессионал, я не умею писать просто так - мне нужен театр, чтобы было где ставить пьесы. Но началось все, смешно сказать, с того, что меня заставили этим заняться артисты. Ведь у них особое отношение к драматургу - они считают, что он все может, что он всегда богатый. Что он ногой открывает любую дверь - ему не откажут. И все артисты приезжали сюда и говорили: давай делать театр, давай! Мне! Человеку, который никогда не занимался бухгалтерией, производством, вообще практикой театра... А сегодня я могу работать директором театра, любого! Я могу работать электриком, я могу делать звук. Могу возить спектакли, чем и занимаюсь - я единственный у нас шофер! Пока я только еще сам на сцену не выходил. Но декорации придумывал, музыку подбираю... Это все - принцип театра, который практически не имеет помощи ниоткуда.

— С самого начала не имел?

— Никакой. Потому что израильтяне сказали: мы сделали “Гешер”, нам не нужно два русских театра.

— И к вам обращались те актеры, которые не попали в “Гешер”?

— В “Гешер” вообще мало кто попал, потому что Евгений Арье приехал со своей командой. У них был опытный директор, и они сразу схватили все дотации. А я - один, без языка, не могу ни с кем поговорить. И вообще, мне легче самому что-то сделать, чем кого-то о чем-то просить. Но сегодня уже русскоязычная община Израиля знает, что в стране два русских театра - “Гешер” и “Ковчег”. Один - с миллионными дотациями, другой - без всякой помощи. Но к нам ходят, у нас всегда полные залы.

— И все же, Семен, непонятно, как практически может существовать ваш театр?

— Год назад наша иерусалимская мэрия дала нам это помещение и оплачивает его. Помогла нам построить декорации к последнему спектаклю, “Вальс одиноких”. А ремонт - сами делали, своими руками. Этот театр существует наполовину на мои средства! Я сюда вкладываю все, что могу. Покупаю костюмы, реквизит на свои деньги. Правда, надеюсь, что деньги должны вернуться.

— Зарубежные гонорары позволяют вам содержать не только семью, но и театр?

— Не всегда. Порой я месяцем ничего не получаю. Тогда зарплата жены спасает. Жена у меня хорошая - все терпит. Другая бы не стала.

— Но надо ведь платить еще зарплату актерам?

— Мне стоило больших трудов убедить их в том, что я не работодателю, а тоже, как и они, вкладываю сюда свой труд. Мы создаем “товар” и продаем его. А многие артисты не могут с этим согласиться. Сразу - дай зарплату!..

— Но это же естественное желание.

— Естественное - в государственном театре, таком, как “Гешер”. А здесь - с чего эти деньги взять? Поэтому артисты сторожат в свободное время. Никакойоня! - моют полы. Но, кстати, я приехал в Америку - там всего процентов 10-15 артистов получают зарплату. А когда не играют - тоже не получают. Звезды живут хорошо. Остальные работают в кафе официантами, где угодно - чтобы в любую секунду сорваться и побежать, куда позовут. Репетируют бесплатно - благодарят за то, что пригласили. И вы

думаете, что это слабые или плохие артисты? У них уровень профессионализма колоссальный!

— Я понимаю, что вам удалось у себя создать атмосферу студииности, как в лучших российских театрах, в лучшие времена?

— Тьфу-тьфу-тьфу. Знаете, я просто молюсь на этих людей, я их очень люблю, потому что ради профессии они многим жертвуют. Очень талантливые ребята. Двое приехали из Ташкента, из театра Марка Вайля, там сильная, обученная труппа. Одна актриса - из Нижнего Новгорода, русская женщина, про-

войти. Любимов сделал Таганку, и слава Богу, что она была... А что-то создавать второй раз - у него нет ни времени, ни сил. Было так: вот если здешние власти дадут миллион, дадут место, то я, может быть, подумаю... Естественно, никто ничего не дал.

— И все-таки, что вас, преуспевающего на родине драматурга, привело в Израиль, в эту беспокойную жизнь?

— Я не собирался уезжать, но был один мощный толчок. Вспомните: февраль 90-го года, вечер в ЦДЛ, на который пришли люди из “Памяти”...

— “Апрель”, Смирнов-Оста-

“Исход - это общечеловеческое понятие, не только еврейское. Тема Исхода - это тема побега. А побег - в крови у человека...”

шла гиюр, приняла иудаизм, поменяла имя - теперь она Рахель Когнер. У нее умер муж, она лет 6 вообще не играла. Полгода назад приехала Ольга Катаева из Саратова, была ведущей актрисой в театре у Дзекун. Когда пришла сюда - я ее на репетиции сразу попробовал и понял, что в Москве сегодня такой актрисы нет! У меня работала Виктор Штернберг с Таганки, Людмила Хмельницкая с Малой Бронной, Володя Портнов, который был там главным режиссером. А сейчас у меня играет очень известный израильский артист Цвика Фишзон. Это его первая роль на русском. Блистательный, творческий человек. Он очень удивился, что я ни разу не закрычал на репетиции - израильские режиссеры сразу начинают орать...

— Ну а привлечь кого-то из режиссеров в свой театр вы не пытались?

— Был у нас в самом начале такой разговор с Юрием Любимовым - делаем театр в Иерусалиме! И мы начинали с ним первый спектакль в 91-м году, с израильскими артистами, на иврите - “Уходил старик от старухи”. Репетировали в боксерском клубе у моего друга, на ринге - и Любимов одел дедушку и бабушку в трусы и майки, дал им перчатки. Мы показывали спектакль в Акко, на ежегодном израильском фестивале, в Беэр-Шеве показали. Но потом все затихло. Наверное, дважды в одну речку не

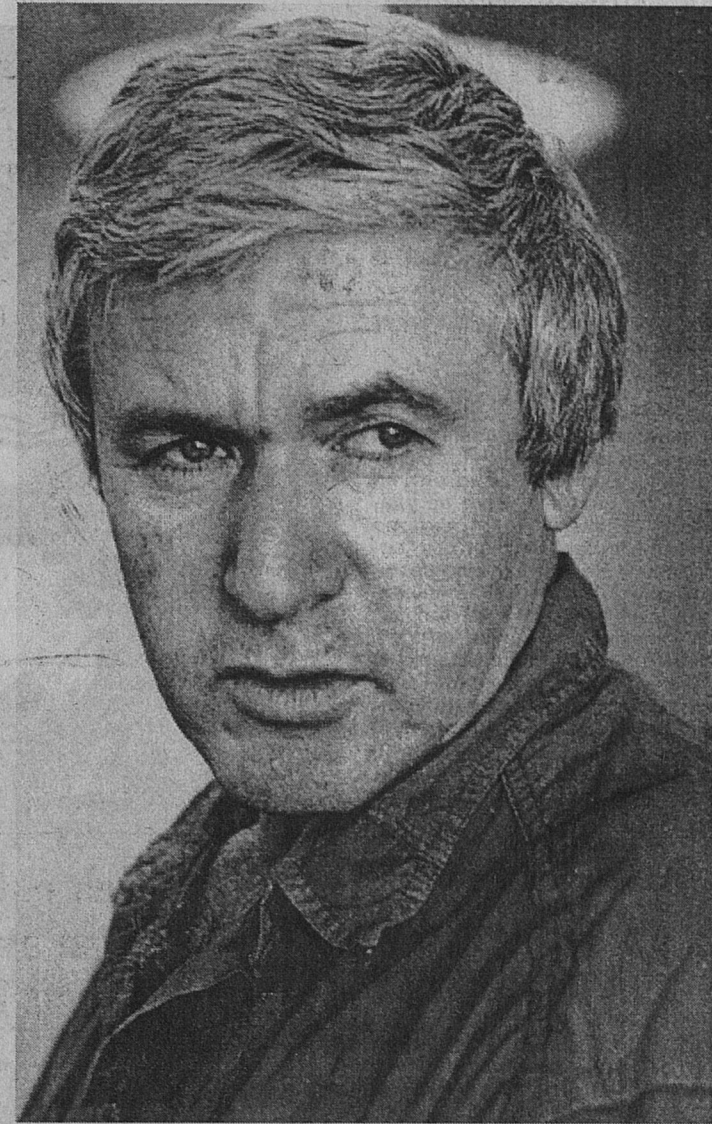
швили и прочее?

— Во-во. Меня позвали туда, попросили поддержать, выступить против “черной сотни”. И я пришел, хоть категорически не люблю никакие сборища. И увидел эти транспаранты, услышал выкрики в рупор: жиды, убирайтесь в Израиль! Иначе, вырежем... Я не испугался - стало мерзко. Мне было уже 45 лет. Приехал домой, сижу и думаю: что-то я вообще худобно сделал для этой страны. В армию я ходил, на работу ходил... И в любую минуту тебе могут сказать: пошел вон! Знаете, подступает какая-то граница, когда ты больше не хочешь это слышать. Я представил: вырастет дочка - она услышит, меня на них идиосинкразия. Такая, знаете, скучная, тяжелая страна, не знаю, как там дышать вообще возможно. Кроме того, немцы не любят детей - это меня вообще потрясло. И тогда я обратился в Сохнут...

— Когда же вы почувствовали, что именно Израиль - ваша страна?

— Уже здесь. И сионистом я стал абсолютным, стопроцентным только здесь. Очень быстро. Приехав и все увидев, и поверив... Мне казалось это сказкой. Все очень близко, все рядом - и Соломон, и Давид... И кроме того, я ощутил свой долг по отношению к этой земле и к этому народу. Моему народу. Я никогда не писал про него. Ведь очень важно, чтобы человек мог сказать: моя земля. Любимый русский писатель, даже самый плохой, может произнести эти слова. А у меня ни в одной пьесе их нет. Я понимал, что как только я скажу: мой народ, моя земля - тут же услышу: да пошел ты!

И мне важно было понять, что тут происходит. Мне интересно было вернуться сюда. Две тысячи лет мы были в изгнании, блуждали по всему миру - пора и возвращаться. Нас

так “Команда” прошел 120 раз, были какие-то деньги. Думал: поживу, оглянусь, освобожусь от обиды, злости. Хотелось какой-то стабильности в жизни. И почувствовал, что не хочу возвращаться. Но и оставаться в Германии тоже не захотел - понял, что с немцами не смогу, у меня на них идиосинкразия. Такая, знаете, скучная, тяжелая страна, не знаю, как там дышать вообще возможно. Кроме того, немцы не любят детей - это меня вообще потрясло. И тогда я обратился в Сохнут...

— Когда же вы почувствовали, что именно Израиль - ваша страна?

— Уже здесь. И сионистом я стал абсолютным, стопроцентным только здесь. Очень быстро. Приехав и все увидев, и поверив... Мне казалось это сказкой. Все очень близко, все рядом - и Соломон, и Давид... И кроме того, я ощутил свой долг по отношению к этой земле и к этому народу. Моему народу. Я никогда не писал про него. Ведь очень важно, чтобы человек мог сказать: моя земля. Любимый русский писатель, даже самый плохой, может произнести эти слова. А у меня ни в одной пьесе их нет. Я понимал, что как только я скажу: мой народ, моя земля - тут же услышу: да пошел ты!

И мне важно было понять, что тут происходит. Мне интересно было вернуться сюда. Две тысячи лет мы были в изгнании, блуждали по всему миру - пора и возвращаться. Нас

только из России приехало почти миллион - это как Исход из Египта, даже более значительный. Просто никто этого еще не осознал.

— И вы были готовы здесь к любой работе?

— Готовился быть дворником, сторожем, кем угодно. Даже было интересно. Но до этого не дошло. Мало того, после переезда у меня дела пошли в мире гораздо лучше, чем раньше. Сейчас в Америке был фестиваль моих пьес. Меня много ставят в Германии. С поляками выпустили три фильма. Меня ставили здесь в национальном театре “Габима”, спектакль “Пришел мужчина к женщине”, с израильскими звездами, прошел 80 раз, не выезжая из Тель-Авива - это для них рекорд просто, тут редкий спектакль идет больше 10-15 раз. Кроме того, я занимаюсь просветительством - сделал пьесу по “Белым ночам” Достоевского. Израиль - молодая страна, у них молодая культура, и, конечно, здесь мы им можем помочь, поскольку ничего значительнее русской классики не создано в мире. В Иерусалиме “Белые ночи” играют на иврите очень успешно.

— Ну а много ли написали нового?

— Две больших пьесы и штук 6-8 одноактовок. Я их все издал здесь одной книжечкой. “Мутанты”, например, я считаю одной из лучших своих пьес. А начинал с одноактовок - хотел просто описать, что испы-

тывает человек, оказавшись здесь без языка, без корней, без денег. Сначала - растерянность дикая, потом чувство обиды, что тебя не понимают. Никто в этом не виноват, но ты начинаешь предъявлять претензии - страна виновата, и так далее.

— И у вас была обида на страну?

— Я всегда считал, что никто тебе ничем не обязан. Тебя сюда пустили - скажи спасибо. Я лично к этой стране, кроме благодарности, ничего не испытываю.

— Выходит, основная тема ваших последних пьес - это новый Исход?

— Я бы определил это даже как тему нашего театра. “Ковчег” - театр Исхода. И это близко всем нашим актерам и нашим зрителям. Почему еще Израиль - потрясающая страна? Здесь нет никакого русофобства или другого “фобства”. У меня две актрисы - абсолютно русские женщины, в них ни капли еврейской крови. И никто никогда здесь не спросит, какой ты национальности, все стали израильтяне! А следующее поколение вообще забудет, кем были родители.

— Вы считаете, что тема Исхода может быть близка и русским людям?

— Конечно, ведь Исход - общечеловеческое понятие, не только еврейское. Тема Исхода - это тема побега. Толстого, например, она занимала как никакая другая. Вообще, побег в крови у человека, я это понял. Почему многие не удерживаются в семьях - бегут? Это же часто акт бессознательный - бежать, уйти. Почему? Кажется, что на другом месте будет лучше! Вот тема “Мутантов” - человек мечтал уехать на историческую родину, но его не выпускали. Он отсидел там в тюрьме, на поселениях. И наконец он приезжает сюда - и никому здесь не нужен. Понимаете? Я захожу здесь в любой дом, смотрю: благообразный дедушка моет лестницу. Так, говорю, кандидат наук! Он отвечает: доктор! Или - бабушка. Я говорю: наверное, с высшим образованием? - С двумя!.. Исход, переезды - это всегда колоссальная человеческая драма.

— Семен, ну а что все-таки вас спасает от драмы?

— То, что мне просто интересно жить. Я пытаюсь людям через театр объяснить какие-то простые вещи - и если это удается, то сразу становится легче. Здесь я приобрел совершенно новое дыхание, новые сюжеты, новые темы... Если бы я не увидел Иерусалим, то я бы прошел мимо жизни. Это великое место - страшно повезло тому, кто здесь оказался. Только здесь, например, я понял, что человек - это духовное существо. Я и к людям стал лучше относиться, стал более терпимым...

Беседовал
Максим МАКСИМОВ
Иерусалим -
Санкт-Петербург

94